

ГАПОНОВА В. Н. GAPONOVA V. N.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, Электронная почта: valentina3886@mail.ru. Candidate of law, assistant professor of the department of criminal procedure, Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, E-mail: valentina3886@mail.ru.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СТАНОВЛЕНИЯ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ВРЕМЕННОГО ОТСТРАНЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ КАК МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье рассматривается начальный этап становления и развития нормативного правового регулирования одной из мер уголовно-процессуального принуждения – временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности. Анализируются нормативно-правовые акты периода X-XVII вв., по которым возможно отследить зарождение меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности. Автором делается вывод о том, что период с момента появления первого письменного памятника Русская правда до принятия Устава уголовного судопроизводства необходимо считать начальным этапом развития временного отстранения от должности.

Ключевые слова: источники права, меры уголовно-процессуального принуждения, уголовное судопроизводство.

HISTORICAL SKETCH OF THE FORMATION AND THE INITIAL STAGE OF DEVELOPMENT OF THE INTERIM REMOVAL FROM POSTS AS RESPONSE MEASURES

The article deals with the initial stage of formation and development of normative legal regulation of one of the measures of criminal procedural coercion such as temporary removal of a suspect or accused from office. The normative legal acts of the X-XVII centuries are analyzed, according to which it is possible to trace the origin of measures of procedural coercion in the form of suspension. The author concludes that the period from the publication of the first written monument “Russian Truth” to the adoption of the Charter of criminal justice should be considered as the initial stage of the development of suspension from office.

Keywords: sources of law, measures of criminal procedural coercion, criminal proceedings.

Институт мер процессуального принуждения в своем историческом развитии прошел достаточно долгий путь, который возможно отследить по первым памятникам русского права, таким как Русская правда, Псковская судная грамота 1467 г., Новгородская судная грамота 1471 г., Судебник Ивана III 1497 г. (Княжеский судебник), Судебник Ивана IV 1550 г. (Царский судебник), Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Судебные уставы 1864 г.

В первом памятнике права Русской правде формируются основы применения мер принуждения, основания для их применения, а также правовые последствия, проявляющиеся в классовом расслоении общества, которые влияют на применение санкций за содеянное преступление.

В санкциях, которые содержались в данном памятнике русского права, возможно отследить связь с традициями, сложившимися в обществе, а именно выделяются отдельные должности, которые обладают привилегиями и определенным статусом в обществе, например, ст. 9 «Аже въ княжи отроци, или в конюсе, или в поваре, то 40 гривень», ст. 10 «А за тивунъ за огнищныи, и за конюший, то 80 гривень» [1, т. 1, с. 75].

Другим источником права в Древней Руси в период с XII до середины XV в. в период феодальной раздробленности была Псковская судная грамота 1467 г. [2], которая усиливает дифференциацию наказания в зависимости от занимаемой должности и положения лица в обществе, а также расширяет понятийный ряд санкций, содержащихся в русской правде.

В систему преступлений введены преступления против порядка управления, такие, например, как взятка (или «посул») судье, насилие в отношении судьи, вторжение в судебное помещение.

К уголовной ответственности за совершенные преступления привлекались должностные лица (в современном понимании этих слов), согласно ст. 48 Псковской судной грамоты, например, требование возврата с должностного лица неправильно взятого вознаграждения, но если обнаружится, что отнята одежда или уведен конь насильно должностным лицом, то виновный привлекался к ответу как за грабеж.

Анализируя Псковской судную грамоту, можно прийти к выводу о том, что в период ее действия возникают предпосылки создания меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности должностных лиц князем, кроме того, возникают прообразы должностных преступлений.

Впервые в отечественном законодательстве в Псковской судной грамоте говорится о приведении должностей лиц к присяге: «Если какой-либо посадник вступает в исполнение своих обязанностей, то ему (следует) присягнуть в том, что он будет (впредь) судить действительно в соответствии с присягой, и не будет присваивать городских судебных пошлин с горожан, пользоваться правом суда в целях личной мести кому-либо, решать дела по дружбе, правого осуждать, а виноватого оправдывать, (а также) без расследования осуждать на суде или на вече» (ст. 3).

В срочной грамоте 1462–1470 гг. по делу Ивана Ознобищи и Никифора Стольнича «О Земле Московской» меры принуждения нашли свое отражение

и более четко проявлялись в процедурных нормах, таких как явка сторон и свидетелей на судебный процесс. Даже явка в суд обеспечивалась принуждением, которое дифференцировалось в зависимости от занимаемых должностей [3, с. 43].

В период объединения Руси до появления Судебника 1497 г. имеются и другие законодательные документы, такие как Новгородская судная грамота (1471 г.), земские грамоты, указные и губные грамоты, уставные грамоты наместничьего управления и др.

Новгородская судная грамота – судебный кодекс Новгородской феодальной республики XV в. (в редакции 1471 г.) отражает судоустройство и судопроизводство в Великом Новгороде.

Судебными полномочиями владели практически все органы управления и власти, такие как князь, боярский совет, вече, посадник, тысяцкий и др.

Определенный интерес вызывает Белозерская уставная грамота, принятая в 1488 г. В данном документе имеются статьи, в которых отражены последствия неявки в суд его участников. Кроме того, в ст. 20 содержится ограничение в отношении должностных лиц – запрет всем должностным лицам, состоящим при наместниках, являться на пиры и братчины местного населения без приглашения. Этим центральная власть стремилась ограничить произвол местной администрации, чтобы избежать конфликтов, возникавших в случае появления представителей этой администрации в качестве незваных гостей на пирах горожан и крестьян [1, т. 2, с. 199]. Таким образом продолжалось совершенствование мер процессуального принуждения. Меры процессуального принуждения закрепляются и находят свое отражение в древних принудительных процедурах – приводе, явке сторон.

В период образования Московского государства в XV–XVI вв. приняты такие крупные законодательные акты, как Судебник 1497 г. великого князя Ивана III (Княжеский судебник) и Судебник 1550 г. царя Ивана IV (Царский судебник). Особое значение имели и губные грамоты.

В Судебнике 1497 г. получает свое дальнейшее развитие правовое регулирование должностных преступлений. Уже первые статьи Судебника ограничивают произвол судей, так как закрепляют, что правосудие проводится боярами и окольными в присутствии дьяков.

В тексте данного документа подробно и довольно часто описываются запреты, принимаемые в отношении должностных лиц. Так, например, в ст. 20 указано «наместником и волостелем, которые держат кормления без боярского суда, холопа и робы без доклада не выдати, ни грамоты беглые не дати; також и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без доклада, и отпустные холопу и робе не дати»; ст. 34 «А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти; а опришних ему людей не имати» [4].

В комментариях к ст. 36 указывается: «Отражая стремление правительства ограничить произвол должностных лиц, статья содержит запрет недельщику получать двойное вознаграждение за одно и то же действие, а именно при перенесении срока явки в суд “обема исцем вместе (т. е.

одновременно, на один срок) недельщику взяти одно хоженое с обеих сторон, а опроче того ему не взяти ничего”. Также при отписании срока кем-либо по поручению стороны пошлина взыскивалась только одна. Уточняются и условия взимания по окончании дела с виноватого. Если пристав получил вознаграждение со стороны, которая была признана победившей, последняя приобретала право регрессного иска к проигравшему дело. Однако закон не доводит дело до конца, ибо не устанавливает конкретных санкций за нарушение предписаний. На практике подобные нарушения карались, очевидно, чаще всего отстранением от должности» [1, т. 2, с. 81].

В связи с совершением новых видов противоправных деяний, в том числе и должностных, Судебником предусмотрены такие основные методы уголовного процесса, как обыск и пытка. Они заняли прочное место по делам о должностных преступлениях. На данном этапе четко прослеживается усиление роли государства в применении мер государственного принуждения и их совершенствование (признание под пытками, запрет на вознаграждение должностных лиц, активное применение поручительства, усиление борьбы с особо опасными преступниками («ведомые лихие» люди).

В Судебнике 1550 г. содержатся практически все статьи, отраженные в Судебнике 1497 г., а также изменения, произошедшие в российском законодательстве за 50 лет. Судебником увеличен перечень должностных лиц. В материально-правовых санкциях за должностные преступления предусматривалось наказание в виде лишения права исполнять свои обязанности впредь. Например, ст. 32 Судебника предусматривала «возмет на суде (взятку), то его казнити торговою казнью». Кроме того, в Судебнике разграничивалась сумма штрафа в зависимости от занимаемой должности. Впервые в российском законодательстве появляется так называемый прообраз современной меры уголовно-процессуального принуждения – временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности, содержащейся в ст. 81 Судебника 1550 г.: «отставления от службы государем»; «...а детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит».

Судебником 1550 г. была предусмотрена такая санкция за совершенное преступление, как «опала», т. е. немилость государева. Как полагает В.Н. Татищев, «опала есть гнев государев» и означает его право выбрать разного рода наказание в зависимости от достоинства виновного. Так, например «знатному не велят ко двору ездить, не велят со двора съезжать, и сие как скоро кому объявят, обыкновенно черное платье надевали» [6, с. 291]. Виновное лицо находилось в опале до того, пока не будет определен вид наказания или пока не наступит помилование. Опала обычно касалась высших кругов населения [4, с. 132].

Р.Г. Бикмиев и Р.С. Бурганов полагают, что опала также является прообразом меры процессуального принуждения в виде временного отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности [7, с. 23].

Судебником 1550 г. были предусмотрены разные виды наказаний за злоупотребление полномочиями, такие как телесные наказания, штрафы, тюремное заключение, запрет исполнять свои обязанности впредь. Кроме того, впервые на законодательном уровне появляется прообраз меры уголовно-процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности, такие как «опала», «отставление от службы государем» [8].

Следующим кодифицированным памятником российского права, который представляет интерес, является Соборное уложение 1649 г. В Уложении продолжает совершенствоваться институт временного отстранения от службы как меры наказания. Однако применяется к довольно небольшому кругу должностей. Вместе с тем оно не предусматривало возможности отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого, хотя предпосылки для нормативного регулирования этого вопроса создавались. В Соборном уложении мы можем отследить «отставление», однако оно достаточно абстрактно и сумбурно, не имеется ни правовой регламентации, ни оснований, ни порядка для применения.

Таким образом, в период появления первого письменного памятника Русская правда до принятия Устава уголовного судопроизводства возникает и формируется первоначальная форма временного отстранения от должности. Данный этап считается начальным [9], поскольку для него характерно наличие общих законодательных установлений, характеризующих особенности привлечения должностных лиц (в современном понимании этих слов) к уголовной ответственности, которые создают предпосылки для нормативного правового регулирования отстранения подозреваемого или обвиняемого от должности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1; Т. 2. С. 64–73.
2. Псковская судная грамота // Исторические записки. 1940. № 6. (пер. Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева). 351 с.
3. Халиуллина Л.Г. Эволюция предварительного расследования в России в X–второй половине XX в. Летопись следствия. Документы. Историко-правовое исследование: В 3 кн. Кн. 3. Казань: Фолиантъ, 2008. 272 с.
4. Юшков С.В. Судебник 1497 г. (К внешней истории памятника) // Ученые записки Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Саратов. 1926. Т. 5. Вып. 3.
5. Калачев Н.В. О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, изд. П. Редкиным. М., 1841. Т. 1. С. 47–160.
6. Татищев В.Н. Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича // История Российская. Л., 1968. Т. 7. 272 с.
7. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Временное отстранение от должности в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 304 с.

8. Законы великого князя Ивана Васильевича и Судебник царя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819.

9. Гапонова В.Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 194 с.